

ВЫШЕ ЛБА УШИ НЕ РАСТУТ

Идея «стабилизации», распространяемая из правительственных и околоправительственных кругов, как мне представляется, — не просто пропагандистский ход и попытка выдать желаемое за действительное. Существующее положение действительно может рассматриваться как относительно стабильное, при котором народ и его правящая элита обрели социальные, идеологические и политические формы, адекватные их уровню развития, психологии и культуре. Период 1989—1993 гг. с его напряженной политической борьбой, в которой участвовали широкие народные массы, чередой бурных событий и быстрой сменой идеологии и государственных форм, относительно большой социальной мобильностью, вынесшей на поверхность общественной жизни множество новых, не принадлежавших к советской номенклатурной элите фигур, следует рассматривать как промежуточный революционный период, разделяющий два периода относительной стабильности — позднесоветский, брежневский и постсоветский, ельцинский. Для народа период 1989—1993 гг. был периодом революционного «выпускания пара», стихийного проявления накопившегося недовольства коммунистической идеологией и советским режимом, и периодом радужных ожиданий, связанных с демократией, к которой, однако, психологически и культурно он оказался не готов. Для элиты это был период необходимой для нее смены идеологических, политических и экономических форм ее господства, поскольку коммунистическая идеология уже не давала необходимой легитимизации ее положения, а советский «социалистический» строй сдерживал ее стремление к собственности, к свободной и «красивой» жизни. Одновременно это был очень болезненный период, ибо временно дестабилизировал положение элиты и породил значительные психологические напряжения. Ситуация «разделения властей», двоевластия, возникшая в этот переходный период (сначала союзной и республиканской власти, затем президентской и парламентской), была неизбежной, но абсолютно не соответствующей психологии и привычкам ни элиты, сформировавшейся в брежневские годы (неспособной к открытой, гласной политической жизни, связанной с борьбой за симпатии народа), ни самого народа.

Эта бурная эпоха уже позади. То, что у нас сейчас, — это не переходная ситуация, а определенный «строй» социально-экономической, идеологической и политической жизни, более близкий к строю брежневской эпохи, чем к переходным революционным формам.

В социально-экономической сфере приватизация и становление капиталистического рынка фактически начались при Брежневе. Шли они в двух формах — в форме превращения экономических планов в фикцию, укрепления независимости хозяйственных руководителей и в форме роста теневой, криминальной экономики. (При этом две данные формы, хотя и не были тождественны друг другу, были теснейшим образом переплетены.) Современная приватизация — логическое продолжение этого процесса. При этом если в бурный переходный период в экономической сфере была сильная мобильность (легко создавались состояния, легко делались политические карьеры, что поколебало позиции номенклатурной экономической элиты), то сейчас, похоже,

она уже прошла через болезненный период приспособления к новой ситуации, прочно схватив рычаги экономической власти.

Очевидно, будет складываться система ограниченного рынка, в которую будут встроены механизмы государственного регулирования и протекционизма и в которой господствовать будут колоссальные корпорации-монополии, непосредственно выросшие из государственного монополизма предшествующего периода. Эта система — переходная от классически социалистической к капиталистической, но относительно самостоятельная и прочная—будет определять нашу экономическую жизнь в течение более или менее длительного периода.

В идеологической сфере марксизм-ленинизм превратился в фикцию уже в брежневский период. Фактически брежневский режим держался на идеологии «державности» и апелляции к национальной традиции, хотя для значительной части элиты того времени реальная идеология была скорее аморфно-«западническая». В период 1989—1993 гг., когда речь шла об освобождении от коммунистической идеологии и советского строя, на первый план вышла, естественно, идеология «западническая», демократическая.

Идеологических альтернатив было две — либерально-западническая и националистически-традиционалистская. В период освобождения от коммунистической идеологии и советского строя на первый план вышла, естественно, либерально-западническая альтернатива. Сейчас, когда элита в основном выполнила работу по освобождению от коммунистической идеологии и советской власти, когда наступает период стабилизации, либерально-западническая идеология должна в какой-то мере отойти в тень, а «национально-державная», более соответствующая теперешним задачам, напротив, вновь усилиться. Это отнюдь не значит, что она может превратиться в тоталитарно господствующую, а либерально-демократическая — потерпеть полное поражение. Любые тоталитарные идеологии как коммунистического, так и фашистского толка, неразрывно связанные с подъемом народных масс и социальной мобильностью, элите не нужны и не отвечают современному состоянию народа.

В политическом плане брежневский режим был лишь формально тоталитарным. Фактически тоталитаризм был крайне «размягчен» и даже авторитарные его компоненты были ограничены все усиливающимися олигархическими. Современный, ельцинский режим — его прямое продолжение и развитие. Режим этот, несомненно, авторитарный. Демократические институты утратили при нем свое значение и играют фактически фасадную роль. Но хотя его авторитарность лишь в очень слабой мере ограничивается демократическими институтами и участием народа в политической жизни, она очень сильно ограничивается другими, в значительной мере неформальными ограничениями, идущими от олигархии. Ельцин в еще меньшей степени является властью для элиты — как общенациональной, так и местной, чем Брежнев. «Демократический» фасад в виде Думы способствует легитимизации положения номенклатурной элиты в глазах Запада и «западнической» части общества, а элементы традиционалистской авторитарности делают режим более понятным и привычным для народных масс. Причем ни демократический фасад, ни традиционалистский авторитаризм не переходят границы, за которой начался бы подрыв власти правящего слоя.

Таким образом, во всех сферах элита в основном выполнила стоявшие перед ней задачи и добилась создания относительно стабильных форм своего господства. Поэтому она будет избегать слишком бурной борьбы внутри себя, «раскачивания лодки». Ее лозунги сейчас — «согласие», «реализм». Борьба

различных ее группировок теперь будет все более напоминать борьбу в брежневский период — при помощи интриг и заговоров, но без апелляции к народу. Самое опасное, конечно, новые выборы — и не столько потому, что они могут привести к власти какую-то альтернативную силу, сколько потому, что они

означают дестабилизацию, вытаскивание грязного белья, новую нервотрепку. И надо думать, что будут предприняты все возможные шаги, чтобы избежать выборов или сделать их как можно более «предсказуемыми».

Во всех сферах общественной жизни мы совершили движение типа: два шага вперед и один или даже полтора назад, придя не к тому состоянию, о котором мечтали (или делали вид, что мечтали) демократы 1989—1991 гг., а к тому, до которого доросли, к которому оказались культурно и психологически готовы. Прыжок от брежневского режима к демократии не удался, ибо «выше лба уши не растут» и к реальной демократии наше общество еще не готово. Оно готово лишь к тому режиму, который установился сейчас. Этот режим, безусловно, является шагом вперед от брежневского, он допускает значительно большую степень свободы, но демократией он не является.

Именно поэтому его стабильность может быть лишь относительной. Мы не создали самого главного — механизма законной демократической передачи власти от правящей партии к оппозиции. Путь к власти новых сил, вызревающих в любом развивающемся обществе, у нас жестко блокирован и, следовательно, блокировано само движение вперед. Поэтому теперешняя стабилизация — лишь временная. «Экзамен на демократию», который мы с треском провалили в 1917 г. и чуть-чуть не дотянули до сдачи в 1989—1991 гг., сдавать все равно придется. Третьей попытки мы не минует.